DOI: 10.31860/978-5-918680-384-379-382

Материалы конференции
«Чтения, посвященные 150-летию со дня рождения
Федора Дмитриевича Крюкова
(14 февраля 2020 г.)»

Александр Васильевич Лавров,
академик РАН

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ ЧТЕНИЙ В ЧЕСТЬ 150-ЛЕТИЯ ФЕДОРА КРЮКОВА
Пушкинский Дом. 14 февраля 2020 г.

Начну с цитаты из обзорной нелицеприятной статьи Иванова-Разумника о советской литературе, написанной в 1943 г.:

> «...Остается Шолохов, автор хорошего романа “Тихий Дон” и плохой “Поднятой целины”. Я очень уважаю автора-коммуниста за то, что он в конце романа отказался от мысли (предписывавшейся ему из Кремля) сделать своего героя, Григория Мелехова, благоденствующим председателем колхоза, а предпочел погубить его нераскаянным. Но не в этой частности дело, а в том, что “Тихий Дон” представляет собою наклонную плоскость с вершиной в первом томе; дальше от тома к тому письмо слабеет, образы повторяются и выветриваются, интерес падает. У Шолохова много поклонников, считающих его вершиной советской литературы; может быть, оно и так, но не в обиду им будь сказано — сорок лет тому назад выходили сборники “Знания”, в которых вполне мог быть напечатан и “Тихий Дон”. Печатался там Кондурушкин — кто его теперь помнит? На те же “казачьи темы” писал свои очерки Федор Крюков, и писал совсем не плохо, — боюсь, что теперь никто не вспомнит и его имени. И если Шолохов подлинно “вершина советской литературы”, то надо сказать, что вершина эта далеко не Эльбрус и не Монблан, а гора значительно более скромной высоты»
>
> (*Р. Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951).

Напомню, что Иванов-Разумник — крупнейший литературный критик первых десятилетий XX столетия, при этом совершенно не ограниченный советскими идеологическими шорами. Поэтому примечательны в вышеприведенных словах, во-первых, сдержанная оценка «Тихого Дона», который в СССР принято было прославлять едва ли не как вершину отечественной литературы пореволюционного времени, и, во-вторых, указание на соразмерность Федора Крюкова с «Тихим Доном». Обычно те шолоховеды, которые ниспровергали

© Лавров А. В., 2023

посягательства на шолоховское авторство, указывали на «дистанцию огромного размера», которая разделяет прозу Крюкова и Шолохова. Этой дистанции для Иванова-Разумника не существовало.

Сомнения в авторстве шолоховского романа возникли, как известно, еще в конце 20-х гг., затем последовали идеологические вердикты по этой части, весьма грозные, и сомневающиеся замолчали на несколько десятилетий. Однако вопрос, конечно, остался лишь заглушенным, но не разрешенным. При этом те, кому доводилось встречаться с Шолоховым, указывали на полное несоответствие его личностного потенциала тексту знаменитого романа. Сошлюсь на собственное воспоминание. Я десять лет работал вместе с академиком Михаилом Павловичем Алексеевым. Когда раз или два заходила речь о «Тихом Доне», он горячо и безапелляционно говорил: «Я не верю, что Шолохов мог написать “Тихий Дон”. Я его, Шолохова, видел и уверен, что он не мог этого написать». Вот такие краткие, без дополнительной аргументации, индивидуальные, но четко зафиксированные в моей памяти суждения. Добавлю, что академик Алексеев не раз наблюдал академика Шолохова вблизи на сессиях Академии Наук.

В 1974 г. появилось исследование неизвестного автора «Стремя “Тихого Дона”», подписанное латинским инициалом «D», с предисловием и послесловием Александра Исаевича Солженицына. Именно там Солженицын указал на Федора Крюкова как на наиболее вероятного автора романа. Как мы теперь знаем, некто D — это наша коллега, одно время работавшая в Пушкинском Доме, Ирина Николаевна Медведева-Томашевская, вдова крупнейшего пушкиниста и авторитетнейшего текстолога русской литературы Бориса Викторовича Томашевского. При ее участии в 30—40-е годы готовилось Большое академическое издание Пушкина, а также полное академическое издание собраний сочинений Гоголя. Ею в серии «Библиотека поэта» были выпущены в свет тома Баратынского, Батюшкова, Грибоедова и Гнедича. Таким образом в данном случае мы имеем дело не с дилетантом, падким на «загадки» и «разгадки», а с высоким профессионалом, представителем пушкинодомской текстологической школы. В этой работе, которая, к сожалению, осталась незавершенной из-за кончины автора, впервые было указано на несообразности в тексте романа и стилевую чересполосицу, на механическое соединение в тексте исходных и добавленных фрагментов.

С тех пор вслед за работой Медведевой-Томашевской появились десятки работ со скрупулезным анализом текста романа. Появились и новые «претенденты на престол». Так, Зеев Бар-Селла выдвинул фигуру Виктора Севского (псевдоним донского писателя Краснушкина), назывались и другие имена. В монографии А. В. Венкова (объемом около девятисот страниц) фигурируют уже четыре автора, стараниями которых, по аргументации исследователя, был изготовлен тот скомпонованный текст романа, с которым сейчас имеет дело читатель.

Я не берусь претендовать на выражение сколько-нибудь выношенного и взвешенного собственного мнения по этой проблеме. Вопросом авторства «Тихого Дона» я не занимался и даже освоил далеко не все из того, что по этой теме написано. Но то, что в основе «Тихого Дона» лежал исходный текст (или несколько исходных текстов), не вышедший из-под пера Шолохова, мне представляется вполне убедительно доказанным. Наиболее наглядные и убийственные примеры присутствия в романе чужого текстового слоя исследователи обнаружили в первопечатной версии романа, публиковавшейся в журнале «Октябрь» с января 1928 года. После этого в результате редактур, которые продолжались от переиздания к переизданию, текст все более и более очищался от признаков первичного его состояния.

Безусловно, Федор Крюков закономерно прежде всего возникает в перечне «претендентов». Это обстоятельство и вызвало сегодняшний пристальный интерес к литературной фигуре, которая не была особенно известной и при жизни писателя. И все же, вопреки мнению Иванова-Разумника, он не был забыт теми, кто пристально следил за литературным процессом. Писатель он был исключительно даровитый, но при этом всегда оставался в тени. Он издал всего две авторские книги рассказов и очерков. Большинство его произведений было рассеяно по журналам, газетам и альманахам, многие из них подписаны псевдонимами. Держался Крюков очень скромно и мало был известен в широких литературных кругах. Иванов-Разумник упомянул о «Сборниках товарищества “Знание”», в одном из которых, рядом с прозой Горького и Бунина, была опубликована повесть «Зыбь», одна из наиболее крупных вещей Крюкова.

Но «Знание» не было главным пристанищем для этого писателя. Крюков вышел из «Русского богатства». Именно в этом петербургском журнале народнического направления он постоянно печатался. И наряду с суждениями о нем как о писателе из казачьей среды правомерно говорить о Крюкове как о писателе с петербургской Басковой улицы, на которой в доме № 9 с 1876 до 1918 г. располагалась редакция «Русского богатства», где его всячески примечали и опекали В. Г. Короленко, А. И. Иванчин-Писарев, Н. Ф. Анненский, П. Ф. Якубович и другие литераторы традиционного народнического направления. Можно провести прямую линию от Н. Г. Помяловского с его «Очерками бурсы» через прозу Короленко до Крюкова как автора очерков и разоблачительных статей на темы гимназической жизни. Вспомним в этой связи хотя бы «Неопалимую купину» — один из самых известных крюковских рассказов. Крюков — писатель, вышедший из казачества и много писавший на темы «тихого Дона», но в той казачьей среде, которая считалась опорой монархического режима, он был сугубым отщепенцем. Он входил во фракцию трудовиков и был одним из организаторов партии народных социалистов, всегда придерживался либерально-демократических установок, что особен-

но сильно сказывается в его публицистике. Будучи депутатом от Области войска Донского в 1-й Государственной Думе, он подписал резко оппозиционное «Выборгское воззвание» и за это отсидел три месяца в «Крестах».

Следует подчеркнуть, что большинство крюковских сочинений — невидимая часть айсберга. Это то, что осталось рассредоточенным по журналам и газетам и, не будучи собранным в авторские, достаточно репрезентативные книги, не было по достоинству оценено современниками. В последние годы появилось несколько изданий его избранной прозы, причем особенно следует отметить сборник Крюкова «Обвал», в котором представлена его публицистика периода революции и гражданской войны; в этих статьях и очерках он последовательно выступает как писатель демократических взглядов и приверженец Белого движения.

Для того чтобы лучше знать и понимать этого писателя и для того чтобы, может быть, приблизиться к разрешению так называемых загадок «Тихого Дона», думается, необходимо в первую очередь издание достаточно полного и квалифицированно подготовленного многотомного собрания его сочинений. Спасибо.